

ментов, женских жизненных сценариев предпринимается, чтобы увидеть, как за кажущимися случайностями жизни, очень индивидуальными жизненными путями и предстающими добровольными решениями скрываются социально-структурирующее начало. Спектр альтернатив не бесконечен, и не случайно - поэтому - очень часто необходимость выдается за добродетель.

Значимость новых – обоснованных гендерной теорией – подходов к историописанию и подбору источников состоит в том, что они утверждают неполноту, частичность любой точки зрения, настаивают на необходимости полифонии репрезентаций, где нарративный анализ с позиций эмпатии (сопереживания) – конечно, не панацея, не единственный, но все же один из важнейших подходов и уж точно: полезное дополнение к классическому научному знанию.

1. Батыгин Г.С., Деятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал, 1994. N 2. С. 28-42
2. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социс. 2000. N 9. С. 22-32
3. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социс. 1998. N ¾. С. 98-108
4. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социс. 1997. N 3
5. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principles in practice. London, 1983
6. Plummer K. Documents of life: An introduction to the problems and literature of a humanistic method. London, 1983.

Остряк А.Н. **ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ** **ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

Современный этап развития исторической науки характеризуется интенсивным развитием новых исследовательских направлений, постепенно трансформирующихся в самостоятельные отрасли научных знаний. Эти процессы происходят в силу разных причин. Однако, автономизация одних отраслей исторической науки (историографическое, историография, археология), замкнутость на внутренних проблемах других (археология, дипломатика, палеография, хронология), появление новых специальных исторических дисциплин (документоведение, биографистика, клиометрика, феминистика) привели к их обособлению в рамках исторической науки [11, с. 28]. Под воздействием десциентизирующих методологических влияний, "расползания" проблем истории, в частности, в политологию, социологию, культурологию, искусствоведение, педагогику под омофором междисциплинарных исследований и при "попустительстве" историков ослабился кумулятивный эффект от профессионального исполнения исторической наукой социального заказа и усилились инфляционные тенденции – перепроизводство "историков" и "историй". Сложившаяся ситуация – это этап в развитии исторической науки, который требует концентрации усилий на переосмыслении ценностных ориентиров, преодоления дилетантизма в науке, недопущения дальнейшей девальвации исторического знания. Такого рода преобразования предполагают обращение к базовым инструментам творчества историков, приоритетное место среди которых принадлежит историческому источниковедению. Последнее вместе с историографией и специальными историческими дисциплинами составляет познавательную систему исторической науки, овладение которой – первостепенная задача историка-профессионала.

Очерчивание "сферы ответственности" источниковедения продолжается более полувека [2; 8; 10-12]. В результате интеллектуальных усилий нескольких поколений ученых кристаллизировалось представление о том, что источниковедение изучает происхождение исторических источников, теорию и практику их использования в исторических исследованиях, состав, структуру и функционирование источниковой базы исторической науки [7, с. 11]. При этом внимание источниковедов главным образом было сосредоточено на категории исторического источника, его происхождении, информационных свойствах, классификации источников, источниковой базе исторической

науки и т.д. Эскалация теоретизации источниковедения привела к тому, что оно стало своеобразной terra incognita в рамках исторической науки для подавляющего большинства исследователей. Только некоторые представители исторического цеха стремились к пониманию источниковедческих тайн, однако выводы этих немногих зачастую становились достоянием лишь небольшого круга специалистов. Подавляющее же большинство историков при всей демонстрируемой методологической "продвинутой" старалось и старается дистанцироваться от такого рода теоретических эмпирей, считая вполне достаточным операционное, "ремесленное" овладение этим искусством на уровне позитивистских технологий добычи фактов из источника. Следствием этого стало стабильно незначительное число исследований по источниковедению, а немногочисленные диссертации в этой отрасли знаний чаще всего касаются источниковедческой практики. Обязательные же для диссертационных работ подразделы, в которых характеризуется их источниковая база, не всегда демонстрируют надлежащий уровень владения их авторами базовыми понятиями теории источниковедения. Таким образом, искреннее желание разобраться в теоретических вопросах обернулось потерей понимания назначения этих научных поисков, практической их пользы. Иными словами, в лабиринтах теории было потеряно функциональное назначение источниковедения в целом, и в частности пострадала источниковедческая культура научных исследований [6].

Функции источниковедения выделяются далеко не всеми теоретиками этой науки. Как ни странно, не во всех учебных пособиях по источниковедению четко прописана ценность этого знания для познания истории и историописания [1; 3-5]. В целом, можно согласиться с тем, что источниковедение выполняет познавательную (проникновение в природу исторических источников, их содержание и информационный потенциал, качественные характеристики сведений источников), мировоззренческую (источниковедение как средство формирования научного мировоззрения и исторического сознания) и прогностическую (простор для поиска, выявления и включения в научный оборот новых источников) функции [7, с. 36]. Следует обратить внимание, что ни одна из функций не определяет концептуальное предназначение источниковедения в системе гуманитарного знания. Поэтому необходимо выделить еще одну – *технологическую* функцию, которая реализует источниковедение как инструмент в системе знаний об источнике, его происхождении, свойствах и информационных возможностях в создании исторических знаний, присутствующий на всех этапах их конструирования.

Экстраполируя понятие "технология" на историческую науку, приходим к выводу о том, что создание исторического знания – это процесс интеллектуальных манипуляций над носителями информации, результатом которого есть ретроспективный образ прошлого или его фрагментов, представленный средствами той или иной знаковой системы. При этом принципиальное значение имеют не параметры образа, создаваемого в процессе изучения, а то, что этот процесс в реальности представляет собой "обработку" исторических источников на безальтернативной основе, которая и делает возможным или невозможным (из-за отсутствия источников) создание образа. Источник – не сырье, а средство для достижения конкретной цели – информационное обеспечение образа прошлого, создаваемого в процессе познания. Носитель информации может считаться историческим источником лишь в том случае, если информация, которая в нем содержится, будет структурирована в результате целенаправленной деятельности исследователя и представлена им в виде знаний о качественном своеобразии конкретной системы, то есть знаний о ее структуре и функциях [9, с. 277]. Значит, сведения источника – аргументация для создания количественной и качественной характеристики образа, которая служит связующим звеном в знаковой системе, представляющей образ (текст, изображение, памятник материальной культуры). Источник же в виде цитирования, пересказа, ссылки, библиографического описания существует и в итоговом представлении видения прошлого. Работа историка начинается с источника и заканчивается со-

зданием нового источника – монографии, статьи и т.п., который со временем станет отражать реальность времен создания текста. При этом труд историка как источник будет отвечать всем параметрам аутентичности, оригинальности, достоверности и т.д., которые всегда устанавливаются в процессе работы с источниками, и будет восприниматься и трактоваться в свете этих же категорий. Поэтому процесс создания источников (кодирование информации), который происходит постоянно, и их трактовки (декодирование информации) осуществляется одним и тем же инструментом. Следовательно, источниковедение – это информационная технология в исторической науке.

Возможность задавать различные вопросы источникам, принимать или не принимать во внимание источники как таковые, доверять или не доверять им – все подобные технологии воспроизведения, воссоздания, реконструкции, моделирования санкционируются источниковедением как системой знаний о средствах познаний прошлого. Признать или не признавать информационный потенциал исторических источников с точки зрения существующих методологических парадигм не столь важно по отношению к тому, что без источника и знания о нем, его функциях в процессе познания и отсутствия альтернатив этому элементу исторического познания, невозможна история вообще. Таким образом, овладение источниковедением как технологией историописания – отправная точка для выбора и применения различных методологий для высказывания оценочных суждений в процесс изучения прошлого.

Как и всякое технологическое решение, источниковедение представляет его суть в системе понятий и категорий, использование которых для технолога-историка единственный путь овладения технологией, залог корректного и эффективного применения ее на практике. Квалифицированное оперирование понятийным аппаратом источниковедения – это ключ не только к достижению максимального эффекта в работе с источниками в процессе создания источниковой базы работы, критического ее осмысления, но и средство ее представления в тексте исследования. В этом смысле источниковедение, и в частности его теоретическая составляющая, является неким алгоритмом презентации источниковой базы – с помощью классификационных схем становится возможным структурирование и представление информационно-аналитического потенциала исследования, которое должно дать ответ на принципиально важный вопрос: возможно ли осуществление исследования с получением достоверного и систематизированного (т.е. научного) знания. Ибо если историографический обзор предполагает вычленение неисследованного или малоисследованного в истории, то есть указывает на наличие прорех в историческом познании, то источниковая база с ее количественными и качественными параметрами дает представление о возможности их устранения.

Что касается структуры исторического источниковедения [2, с. 97; 7, с. 55], то все ее аспекты включены в процесс производства исторического знания и всеми своими составляющими раскрывают суть технологии, последовательность, содержание и назначение отдельных операций в работе с источниками (функциональный аспект), дополнительные средства в работе с ними (субдисциплинарный аспект), определяют сферу применения полученной информации (предметный аспект) и придают всему этому единую направленность и общность исходных концептуальных решений (логический аспект). Таким образом, структура источниковедения представляет все те сферы науки, овладение которыми необходимо для освоения технологии в целом.

Сказанное выше свидетельствует о более масштабной роли источниковедения как технологии в исторической науке, нежели это может показаться на первый взгляд. Реализация технологической функции источниковедения должна способствовать осознанному усвоению знаний об источниках, методах работы с ними как одному из важнейших аспектов становления историков-профессионалов.

1. Богдашина О.М. Джерелознавство історії України: питання теорії, методики, історії: Навчально-методичний посібник / О.М.Богдашина. – 3-е вид., доп. та переробл. – Харків, 2008.
2. Варшавчик М.А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика / М.А.Варшавчик. – К., 1984.

3. Воронов В.І. Джерелознавство історії України: Курс лекцій / В.І.Воронов. – Дніпропетровськ, 2003.
4. Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г.Голиков, Т.А.Круглова; под ред. А.Г.Голикова. – 3-е изд., стер. – М., 2009.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. – М., 2000.
6. Источниковедческая культура студента-историка: Сборник научно-методических трудов. – Тверь, 1990.
7. Історичне джерелознавство: Підручник / Я.С.Калакура, І.Н.Войцехівська, С.Ф.Павленко та ін. – К., 2002.
8. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х гг.) / С.А.Никитин. – М., 1940.
9. Підгаєцький В.В. Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX ст.: Навч. посіб. / В.В.Підгаєцький – Дніпропетровськ, 2000.
10. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР / М.Н.Тихомиров. – М., 1940. – Т. I.
11. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии / В.В.Фарсобин. – М., 1983.
12. Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения / С.О.Шмидт // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 7 – 58.

Балюк Т.П.

СОКРАЩЕННО НАПИСАННЫЕ СЛОВА В РУКОПИСНОЙ КНИГЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

Изучение истории народа невозможно без понимания мировосприятия человека определенной эпохи. Работа с каждым источником предполагает реконструкцию исторической действительности. В такой реконструкции важно не пропустить ни один элемент культуры, который несёт в себе информацию о прошлом.

Весь комплекс письменного наследия, цели и задачи создания источников, сфера их употребления и функционирование определяют характер письменности эпохи. Данное понятие распространяется и на особенности письма каждой эпохи. Письмо – это символическое выражение мысли человека. Изучая рукописную книгу, мы разгадываем этот символ, чтобы получить как можно больше информации. При изучении письменности определенного периода важен системный анализ всех составляющих, в том числе и детальный палеографический анализ, который предполагает изучение каждого признака рукописи.

В славянской кириллической палеографии такой важный элемент письма, как сокращения – сокращенно написанные слова – не получил должного внимания ученых. Между тем изучение сокращений даёт возможность ответить на ряд вопросов относительно характера письменности, особенностей письменной культуры в данном регионе, понимания письма писцом и людьми, читающими рукописи.

В восточнославянской письменности сокращения встречаются в разных типах памятников – как светского, так и религиозного характера, в книгах и на стенах храмов, в посланиях на бересте и иконографии. Результаты изучения количества и видов сокращений свидетельствует о широкой распространенности этого элемента письма. Возникает вопрос о причинах и целях появления и использования сокращенно написанных слов.

Сокращения слов пришли в славянский язык из греческого и латинского языков. Латинская система сокращений сложилась на основе унаследованной античной и заимствованной греческой. Активная общественная жизнь Древнего Рима породила необходимость в стенографии. Сенека систематизировал все употреблявшиеся знаки и довёл их число до 5 тысяч [3, с. 35]. В греческих рукописях наиболее частые и общеупотребительные слова (например, титулы чиновников) подвергались сокращению [4, с. IX]. Однако в славянской письменности сокращения носят иной характер. Они появились, долгое время существовали и развивались в рамках т.н. сакральной письменности; не активная общественная жизнь и не политические деятели инициировали употребление сокращений, а люди духовного сословия, которые чаще всего были переписчиками и составителями книг в ранний период славянской письменности. Чаще всего в кириллических рукописных книгах XI – XIV вв. сокращаются слова сакрального характера или близкие к ним. Такие сокращения по примеру латинских в литературе принято называть священными именами, или *nomina sacra*.